

ГИПОТЕЗА О ПОЯВЛЕНИИ ТЕРМИНА «ВЕРХОВСКИЙ КНЯЗИ» В МОСКОВСКО-ЛИТОВСКОЙ ДИПЛОМАТИИ

31 августа 1449 г. между великим князем московским Василием II и королем польским и великим князем литовским Казимиром IV было заключено «вечное dokonчание». Грамота, написанная со стороны Василия II, сохранилась в двух списках конца XVI в. (не считая более поздней копии) в составе пятой книги записей Литовской метрики¹. Стороны обязались «не вступаться» в земли друг друга, договорились о совместной борьбе с внутренними «недругами» и об обороне от татар на своих «украинах». Затем в договоре следовало обширное соглашение об отношении Москвы и Литвы к третьим сторонам: к великому князю тверскому и его братии с их вотчиной, к служилым князьям, которые служат Литве и Москве со своих вотчин (назывался ряд московских слуг), к Великому Новгороду и Пскову, к великому князю рязанскому. В конце перечня третьих сторон имелось соглашение о неких «верховских князьях». Согласно первому списку грамоты, «А верховъстии князи, што будуть издавна давали в Литву, то имъ и нинечы давати, а болшы того не прымышляти»². Во втором списке в слове «верховъский» написанная первоначально буква «т» была исправлена на букву «к». Заканчивалась грамота соглашениями о суде «на обе стороны», о свободном проезде послов и купцов (гостей) и, наконец, крестоцеловальной записью.

В историографии интересующий нас термин употреблялся по-разному. В данном случае мы будем писать выражение «верховский князи» и производные от него в кавычках, как цитату источника или как историографические термины, используемые другими исследователями. В авторском же изложении будем отдавать предпочтение написанию прилагательного «верховские» в кавычках — как устаревшего слова русского языка, требующего пояснений. Связанное же с ним существительное будем оставлять без кавычек, как это уже имело место в историографии.

В публикации 1892 г. М. К. Любавский заметил, что «так называемые “верховские” князья» — это «потомки св. Михаила (Черниговского. — Р. Б.)³, владевшие городами и волостями в земле древних вятичей, по верхней Оке и ея притокам», которые «приведены были в зависимость от великого князя литовского» [Любавский, 1892, с. 44–45, 49–52]. Логика его сопоставления, видимо, состоит в том, что под именем «верховских» следует подразумевать князей, которые не указаны в других статьях московско-литовского договора 1449 г., при этом их землевладения должны были находиться на пересечении московско-литовских интересов, а именно на «верхнеокской украине». Первоначально терминам «верхнеокские князья» и «верхнеокские княжества» М. К. Любавский отдавал предпочтение. На данном этапе он еще не вводил в научный оборот термин «Верховские княжества», но предопределил его появление в будущем.

В 1893 г. Ф. И. Леонтович опустил оговорку М. К. Любавского «так называемые», что само по себе предполагало условность, и подошел к данному вопросу более прямолинейно. Он прямо считал, что интересующие нас князья черниговского дома, подчинившиеся Литве, носили имя князей «верховских». Среди них ученый выделил три группы. К владениям князей первой группы он отнес города Новосиль, Одоев, Белёв и Воротыньск. Ко второй группе — князей

¹ Lietuvos metrika. Kniga Nr. 5 (1427–1506): Užrašymų knyga 5 / Parengė Egidijus Banionis. Vilnius, 1993 (далее — ЛМ. Кн. 5). № 78.1. Р. 131–133; № 136. Р. 251–254; ДДГ. № 53. С. 160–163.

² ЛМ. Кн. 5. № 78.1. Р. 133; № 136. Р. 253.

³ Легенда о происхождении княжеских родов от князя Михаила Черниговского (помимо рода его сына Ростислава) сложилась к исходу первой трети XVI в. Она страдает существенным анахронизмом и во многих аспектах противоречит более ранним источникам. В 1927 г. она была оспорена Н. А. Баумгартеном [Baumgarten, p. 54–56, 86–94]. Точка зрения последнего была развита автором данной статьи и к настоящему времени частично также поддерживается А. В. Кузьминым [Беспалов, 2011; Кузьмин, 2015, с. 168].

карачевских, кромских, козельских, мосальских, перемышльских, елецких и хотетовских. К третьей группе были отнесены князья мезецкие и огдыревские (из тарусского княжеского дома). Для обозначения княжеств верховьев Оки Ф. И. Леонтович все еще использовал термин «земля древних вятичей» или «древняя область вятичей», который бытовал в историографии XIX в. (см.: [Карамзин, стб. 91; И(еромонах) Л(eonид)], но уже переходил на термины «верховские города и волости» и «верховские области Северщины» [Леонтович, с. 282–291]⁴.

Вскоре от исторического термина «верховский князь» возникло новое производное. Например, в 1901 г. оно без особых объяснений было использовано М. С. Грушевским: ««верхівські» князівства» [Грушевський, с. 68–69, 276–277]. Первоначально это определение писалось со строчной буквы, а слово «верховские» зачастую бралось в кавычки. Так подчеркивалась цитата или калька с источника, которая, возможно, еще далеко не полностью была раскрыта. Со временем данные термины стали писаться без кавычек, как уже сами собой разумеющиеся, а термин «Верховские княжества» — с заглавной буквы, как имя собственное.

В публикации 1910 и 1915 г. М. К. Любавский отнес к «верховским» «княжества на верхней Оке: Новосильское, Одоевское, Воротынское, Белёвское и др[угие]». Это были «исконные владения потомков св. Михаила, князя черниговского, которые со второй половины XIV и начала XV вв. подчинились великому князю литовскому» [Любавский, 1915, с. 84–85]. В дальнейшем сложившаяся таким образом терминология прочно вошла в научный оборот. Ее использовали многие ученые, в том числе в польской историографии (см.: [Natanson-Leski, s. 31, 38–39, 47; Пресняков, с. 151; Базилевич, с. 284–285; Каштанов]. Однако в одной из следующих публикаций, упоминая об итогах московско-литовского договора 1449 г., М. К. Любавский допустил следующую трактовку: «верховские князья, кроме Василия Ивановича Тарусского с братьями и племянниками, признавались вассалами короля» [Любавский, 1929, с. 104]. В упомянутом источнике князь В. И. Тарусский (Оболенский) назван отдельно от «верховских» князей, на службе у великого князя московского. Однако теперь М. К. Любавский отнес к «верховским» заодно и тех князей, которые Литве не подчинялись. Далее польский ученый С. М. Кучиньский также отнес к «wierchowski» заодно всех тарусских князей и добавил к ним осовицких (потомков князя Романа Брянского), а соответствующую область назвал «Wierchowszczyzna» [Kuczyński, s. 42, 123, 137–138, 146]. Расширенная трактовка термина тоже была перенята рядом ученых, например Б. Н. Флорей [Флоря, с. 75–76], а также А. В. Шековым, посвятившим теме «Верховских княжеств» особое исследование [Шеков, 1993, с. 30–31; Шеков, 2012]. М. М. Кром, с одной стороны, подчеркнул, что в 1449 г. под определением «верховских» могли иметься в виду только лишь князья «новосильские, мезецкие и мосальские, служившие тогда в Литве», с другой — относил к таковым и тарусских [Кром, с. 36–53, 66–67]. Расширенная трактовка отражена и в современных энциклопедических статьях [Кузьмин, 2006; Цемушаў].

Существование в историографии исходной (без тарусских князей) и расширенной трактовки терминов «верховские князья» и «Верховские княжества» — это только самые общие контуры проблемы. Вариативность трактовки гораздо более широкая. Так, М. С. Грушевский среди других «верхівських» называл еще и трубецких князей (Гедиминовичей) [Грушевський, с. 276]. То же можно видеть в одной из работ А. А. Зимина [Зимин, 1982, с. 95]. Мнение авторов было основано на том, что в 1488–1490 г. один из трубецких князей был мценско-любутским наместником⁵. М. В. Довнар-Запольский считал, что «среди этих верховских князей

⁴ Термин «верховские области Северщины» в изложении Ф. И. Леонтовича некорректен, поскольку земля вятичей (область преимущественного расселения вятичей) не входила в состав Северщины (области преимущественного расселения северы) (см.: [Русина, с. 47–49]).

⁵ Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским. Т. I. (С 1487 по 1533 год) // Сборник Императорского русского исторического общества. Т. 35. СПб., 1892 (далее — СИРИО. Т. 35). С. 19, 49.

были и князья Вяземские, Новосильские, Одоевские, Можайские, Мстиславские и др[угие]» [Довнар-Запольский, с. 707]. Г. А. Федоров-Давыдов считал возможным отнести к территории «Верховских княжеств» не только область Верхнего Поочья, но и верховья рек Дона, Сейма и Северского Донца [Федоров-Давыдов, с. 107, 109, 125–127]. Ф. М. Шабульдо под «верховскими» городами понимал те, которые расположены «в бассейне Оки и Верхнего Дона». Среди них называл Тулу, Берестей, Ретунь, Любутск, Мценск и даже Пронск, которые в обозримой истории никогда не были владениями князей Верхнего Поочья [Шабульдо, с. 67–68]. Причиной тому был некорректный пересказ исследования Ф. Е. Петруня, в котором, впрочем, непросто понять авторское отношение к интересующему нас термину. Ф. Е. Петрунь описывал массив городов верховьев Оки и Дона, упоминаемый в ярлыках крымских ханов, который обозначил как «верховсько-рязанські землі». Однако к «верховинским» явно относил только князей волконских, спашских, одоевских, а также город Козельск [Петрунь, с. 173–175]. В свою очередь, В. Н. Темушев выдвинул мнение о том, что применительно к 1449 г. «обозначение верховских князей необходимо соотносить с представителями новосильского княжеского дома и, соответственно, при опоре на источник, следовало бы относить к числу верховских только само Новосильское княжество и его уделы». В то же время он допускал, что «термины “верховские княжества — верхнеокский край (украина)” можно было бы разделить в зависимости от времени, к которому они применены» [Темушев, 2007а, с. 257, 259; Темушев, 2005, с. 78]. С. В. Ковылов при рассмотрении совокупности князей белёвских, одоевских и воротынских, напротив, предлагал отказаться от применения к ним термина «верховские князья», поскольку для них в источниках есть конкретное название: «князья новосильские» [Ковылов, с. 11, 16, 75–76, 136–137].

Проблема бытования данной терминологии в историографии была обозначена мной еще в публикации 2010 г. [Беспалов, 2010, с. 15–22]. С тех пор обнаружилось, что на нее накладывается проблема региональной или национальной самоидентификации. Так, орловский историк А. А. Майоров предложил новый термин: «Верховская Русь» [Майоров, с. 10–18]. Украинский же исследователь П. М. Бирюк пытается связать Верхнеокский регион с современной Украиной, а верхнеокских князей называет «украинскими» [Бирюк, 2014, с. 215–217; Бирюк, 2016, с. 39–40]. Несмотря на использование моей статьи 2010 г., М. П. Бирюк полагает, что «в современный период вопрос терминологии особой дискуссии не вызывает», якобы, «ученые пришли к выводу о целесообразности употребления термина “верховские княжества”» [Бирюк, 2014, с. 221–222].

В действительности ситуация несколько иная: большинство ученых употребляют интересующие нас термины не задумываясь, следуя той или иной историографической традиции. Вместе с тем оказывается, что под термином «верховские князья» и его производным «Верховские княжества» разные исследователи понимали и понимают разный состав князей и княжеств. Далеко не каждому читателю заведомо известно, что, например, «верховские князья» А. В. Шекова и «верховские князья» В. Н. Темушева — это не одно и то же. Более того, у одного и того же исследователя отношение к данным терминам могло меняться со временем. Еще в 1894 г. М. К. Любавский указал, что на основе термина «верховский князь» стали появляться некорректные обобщения [Протоколы заседаний...]. Спустя же столетие С. В. Ковылов справедливо заметил, что данный термин единственный раз упомянут в сохранившихся источниках, но так широко распространился в историографии, что заслонил собой разнообразие путей политического развития княжеств Верхнего Поочья [Ковылов, с. 11, 16].

Важно рассмотреть понятие «верховские» в языковом контексте. Ранее мной было показано, что подобные названия связаны с указанием направления судоходного пути против течения или

по течению некой реки. Причем непременным свойством терминов «верхняя земля», «низовская земля», «низовские князья» является их относительность. То есть «верховские» или «низовские» земли были таковыми не сами по себе, а относительно других конкретных территорий, служивших точками отсчета для понимания такого термина в каждой конкретной ситуации. Например, в грамоте казанского воеводы конца XVI в. использован термин «верховские города», которым обозначены города, расположенные вверх по течению Волги и ее притоков по отношению к Казани. В их числе были, например, Белоозеро и Устюжна⁶. Иногда подобные названия все же закреплялись за некоторыми территориями (относительно неких административных центров). Так, в XVII в. «Верховские» станы и волости имелись в Бежецком, Бельском, Галичском, Слободском, Старицком, Ярославском уездах [Водарский, 1977, с. 234, 235, 236, 244, 246, 247–250, 256]. Разумеется, это совсем не та совокупность городов, станов и волостей, которые подчинялись «верховским» князьям из московско-литовского договора 1449 г.

Еще одно важное свойство подобных терминов состоит в том, что по своему происхождению они не собственные, а внешние. Вопреки мнению Ф. И. Леонтовича, «верховские» князья не сами носили такое имя, но так их называли извне⁷. Общность происхождения князей черниговского дома не играет большой роли в раскрытии термина «верховский князь», поскольку он не генеалогический (не родовой), а географический. Причем слово «верховский» не является титулом. Термин же «Верховские княжества» — не исторический, а историографический и довольно условный. Некоего административно-территориального образования с таким названием никогда не существовало.

Также мной была предпринята попытка определить состав «верховских» князей, которые могли подразумеваться в московско-литовском договоре 1449 г. Это князья, которые имели свои исконные вотчины, но при этом находились на литовской службе, за которую получили земли, принадлежавшие Великому княжеству Литовскому. Во-первых, это князья суверенной Новосильско-Одоевской земли, которые к своим исконным вотчинам получили литовские города и волости на договорных условиях. Во-вторых, это князья западной и южной частей Верхнего Поочья: мосальские, возможно, хотетовские и кромские. В-третьих, это князья огдыревские (из рода тарусских), имевшие вотчины в основном в бассейне реки Нугри (левый приток Оки) и его окрестностях, поступившие с ними на литовскую службу при Витовте и

⁶ «Приговор» казанского воеводы князя Григория Булгакова, вынесенный по наказу царя Федора Ивановича, регулировал взимание пошлин с торговых людей, которые останавливались на землях казанского Зилантова монастыря. В грамоте упомянуты люди «верховских городов, и которые приезжают из Асторохани и ис Перми, и с Вятки». Последние не включены в состав «верховских» и как бы противопоставляются им, поскольку астраханцы прибывали в Казань с низовьев Волги, вятчане и пермяки по Вятке (приток Камы) и по Каме (приток Волги ниже Казани). К «верховским» явно отнесены торговые суда из Белоозера и Устюжны, которые прибывали с рек Шексны и Мологи (притоки Волги). Однако подразумевались вообще «все верховские города», которые, видимо, располагались выше Казани по Волге и ее притокам [Кунцевич, с. 276–277].

⁷ То же справедливо для терминов «низовская земля», «низовские князья». Так, новгородцы столетиями называли Ростово-Суздальскую землю, а затем и Великое княжество Московское «низовской землей», «низом», а ее князей — «низовскими князьями» (ГВНП. С. 13, 16, 20, 21–22, 28, 29–30, 36, 40, 47; ПСРЛ. М.; Л., 1950. Т. III. С. 80, 81, 99 и др.). Однако это не было самоназванием князей Северо-Восточной Руси. Показателен пример 1477 г., когда новгородцы спрашивали Ивана III: какое государство он хочет утвердить в Новгороде? Тот заявил: «мы, великие князи, хотим государства своего, как есмы на Москве, так хотим быти на отчине своей Великом Новгороде». В своем втором послании новгородцы указали на отличия в порядках Новгорода от порядков в «низовской земле». На их встречные замечания московский государь пересказывал содержание предыдущих сношений с ними и, в частности, отвечал: «яз, князь велики, то вам сказал, что хотим государства на своей отчине Великом Новгороде такова, как нашо государство в низовской земли на Москве...» (ПСРЛ. М., 2004. Т. XXV. С. 316–318). Изначально по своей инициативе Иван III не называл себя «низовским». Но затем следовал за терминологией новгородцев, хотя термин «низовская земля» был для него внешним эпитетом. Соответственно, и в историографии к Москве не пристало определение «низовский город», хотя, по взглядам средневековых новгородцев, она таковым городом являлась (вероятно, относительно верховья реки Рузы, текущей из волостей Волока Ламского, которым Москва и Великий Новгород владели по половинам).

получившие от него жалованные литовские вотчины в Мезецке⁸. Под термином «верховский князь» не подразумевались князья, которые находились на московской службе. Во-первых, это большинство князей тарусского дома: В. И. Тарусский (Оболенский) со своими братьями и племянниками, упомянутые в договоре 1449 г. особо. Во-вторых, бывшие удельные князья: карачевские, хотимльские, звенигородские и урожденные перемышльские, которые в 1408 г. покидали свои исконные вотчины, а к 1449 г. уже потеряли на них всякие права. В-третьих, это бывшие удельные князья козельские, сложившие с себя княжение, а также князья елецкие, удел которых был razoren татарами и к середине XV в. запустел [Беспалов, 2010].

Как видим, содержание определения «верховские» изначально зависело от различных ситуаций, в которых оно употреблялось. В нашем случае не описан исходный контекст или географическая точка отсчета, от которых зависит трактовка термина «верховский князь». Однако есть основания полагать, что контрагенты московско-литовского договора 1449 г. хорошо знали и всегда учитывали этот контекст. То есть они имели возможность трактовать интересующую нас статью одинаково и однозначно на всем протяжении времени, пока их договор оставался актуальным.

В ноябре 1493 г. великий князь литовский Александр Казимирович совместно с панамирадой принял решение о ведении переговоров о мире с Москвой. Послам был дан наказ о требованиях литовской стороны. В наказе выдвигались условия, чтобы в новом докончании Великий Новгород, Тверь и великий князь рязанский были поставлены согласно докончанию Казимира IV. Затем шло условие, чтобы «kniazei nowosielskich wsich, kotoryie zdawna służyli k welikomu kniazstwu Litowskomu, a tych kniazei i z ich otczynami (Иван III. — Р. Б.) postąpiłsia hosudaru naszomu, welikomu kniaziu Alexandru, po dawnomu. A iestli kniaź welikiy moskowskiy k tomu ne wschoczet prystupiti, ino panowie posłowie maiut k tomu wiesti, aby tych kniazei postawleno podłuh staroho dokonczania otca ieho». Вокруг этих основных третьих сторон предлагалась система возможных уступок московской стороне, которая включала в себя еще и второстепенные третьи стороны⁹. 19 января 1494 г. на переговорах в Москве литовский посол трокский воевода Петр Янович заявил Ивану III: «Александр, божию милостью, великий князь литовский указал: <...> мы с тобою потомуж хочем жытъя и любви и докончяня по тому докончяню, как отець нашъ, король его милость (Казимир IV. — Р. Б.), докончял с твоим отцем, з великим князем Васильем Васильевичом»¹⁰. В пятую книгу записей Литовской метрики договоры сторон 1449 и 1494 г. вписаны рядом¹¹. Тем самым, видимо, показана преемственность между ними. Следовательно, в наказе послам под «старым докончаньем» Казимира IV имелся в виду именно договор 1449 г. В нем новосильские князья (одоевские, белёвские и воротынские) прямо не упомянуты. Однако при сравнении двух перечней третьих сторон можно видеть, что в наказе литовским послам 1493 г. новосильские князья стоят после великого князя рязанского и именно на том месте, на котором в договоре 1449 г. упомянуты «верховские» князья. Как мы видели, различных «верховских» на разных бассейнах рек могло быть довольно много, в зависимости от места расположения географической точки отсчета. Тем не менее литовской стороне было известно, что новосильские князья входили в число тех самых «верховских», а не каких-то других. Поэтому следует полагать, что Александр Казимирович имел на руках какой-то документ, из которого явно следовало, что в договоре 1449 г. под «верховскими» князьями в том числе подразумевались и князья новосильские.

Каковы же правовые источники московско-литовского договора 1449 г., в котором могла бы содержаться трактовка термина «верховский князь»?

⁸ Огдыревские князья прибыли на литовскую службу, имея город Гдырев (Огдырев, Говдырев), волости Устье и Жабынь (СИРИО. Т. 35. С. 120). О местонахождении Гдыревского стана XVII в. см.: [Водарский, 1974, с. 231; Водарский, 1977, с. 235, 257].

⁹ ЛМ. Кн. 5. № 27.3. Р. 78–80.

¹⁰ СИРИО. Т. 35. С. 113.

¹¹ ЛМ. Кн. 5. № 78.1, 78.2. Р. 131–136.

При широчайшем круге вопросов, отраженных в договоре 1449 г., для него характерна неполная детализация. Его наполнение обеспечивалось не только прямым текстом, но и ссылками на предыдущие договоры сторон, которые становились как бы приложениями к договору 1449 г. и хранились в московском и литовском великокняжеских архивах. Так, стороны согласились, что Ржева с волостями остается за Москвой, но прежде ржевскую волость Осугу следует «ведать» тем литовским волостелям, что и при великом князе Кейстуте [Темушев, 2007б, с. 242–243, 246]. Серенск следовало «ведать», как было при Ольгерде и Ягайле. Не сообщалось, как именно. Этого и не требовалось, поскольку в предыдущих двусторонних договорах было записано, что при Ольгерде московская и литовская стороны владели Серенском по половинам¹². При заключении договора 1449 г. стороны прямо или косвенно также использовали два договора времен Витовта. Один из них лег в основу суда о Смоленской земле и воде, который впредь должен был оставаться таким, как и на тот момент, как Витовт «кн(я)зя Глеба на Смоленську посадил». Вероятно, тот договор был заключен в 1393 г., когда Витовт и Василий I встречались в Смоленске¹³. Порядок суда на обе стороны между Москвой и Литвой по договору 1449 г. следовало сохранить таким, каковым он был на момент смерти Витовта († 1430 г.). Должно быть, он утвердился летом 1427 г., когда великая московская княгиня Софья принесла присягу своему отцу Витовту и, видимо, договорилась с ним о московско-литовских отношениях на период малолетства ее сына Василия II¹⁴.

По-видимому, при составлении договора 1449 г. был задействован весь корпус предыдущих московско-литовских докончаний¹⁵. В итоге в некоторых статьях его текст по форме оказался кратким, несамодостаточным. Несложно заметить, что и статья о «верховских» князьях тоже апеллирует к прежнему положению дел. Поэтому можно думать, что она тоже составлена в краткой форме, которая должна была бы раскрываться в предыдущих грамотах.

В контексте договора 1449 г. «верховские» князья являлись третьей стороной по отношению к Москве и Литве. Соглашение о третьих сторонах нельзя было составить произвольно. Это могло бы вызвать несогласие третьих сторон¹⁶. К тому же московской и литовской сторонам и самим было бы сложно договориться о конкретных определениях. В соглашениях о великом князе тверском и о великом князе рязанском имеются характерные только для них особенности. Можно указать их правовые источники.

Великий князь Борис Александрович Тверской объявлялся «в стороне» Казимира IV, а с Василием II «в любви и в докончаньи». Действительно, в период с сентября 1448 по август 1449 г. тверской князь заключил договор о мире с Казимиром и обязался: «с нимъ ми стояти заодно противу всех сторон». При этом он не складывал с себя крестного целования к Василию II¹⁷. Также в московско-литовском договоре 1449 г. имелось соглашение о том, что тверскому князю следует «жыти по старыне» с новгородцами. «Старина» (прежние, исконные права и привилегии) отсылала к прежним докончаниям. В московско-тверском договоре 1454–1456 г. та же формулировка была развита. В ней уточнялось, что впредь тверскому князю следовало

¹² СИРИО. Т. 35. С. 120.

¹³ ПСРЛ. М., 2001. Т. VI. Вып. 1. Стб. 509–510.

¹⁴ О встрече Софьи с отцом Витовтом и о принесении ему присяги см: Codex epistolaris Vitoldi magni Ducis Lithuaniae 1376–1430 / Collectus opera Antonii Prochaska // Monumenta medii aevi historica res gestas Poloniae illustrantia. Т. 6. Crakoviae, 1882. № 1291. S. 774; № 1298. S. 779. В это время Софья была регентом при малолетнем Василии II и фактической правительницей Великого княжества Московского [Пономарева].

¹⁵ Некоторые из московско-литовских докончаний, преимущественно в копиях, сохранялись в московском архиве Посольского приказа еще и в начале XVII в. [Описи царского архива, с. 61; Опись архива Посольского приказа 1626 года, ч. 1, с. 33, 34–35; Кучкин, с. 119–120].

¹⁶ Например, при составлении договора о перемирии 1406 г. на Плаве московская и литовская стороны вписали в перемирную грамоту имя великого князя Ивана Тверского на тех условиях, которые не устраивали тверичей, что стало причиной нежелательных последствий для московской стороны (ПСРЛ. М., 2000. Т. XV. Стб. 476).

¹⁷ ЛМ. Кн. 5. № 141. Р. 258–259; ДДГ. № 54. С. 163–164. О датировке см.: [Зимин, 1958, с. 312].

жить с Новгородом так, как было и ранее при Борисе Тверском и Василии II, а также при их предшественниках с первой половины XIV в.¹⁸ Документы о той «старине», должно быть, хранились в московском, тверском и новгородском архивах.

В московско-литовском договоре 1449 г. великий князь Иван Федорович Рязанский объявлялся с Василием II «в любви», но допускалось, что он может «служить» литовскому господарю. По сохранившимся московско-рязанским докончаниям 1402, 1434, 1447 г., рязанский князь находился с московским князем «в любви» и назывался по отношению к нему «молодшим братом» или «братаничем», но никогда не назывался его «слугой»¹⁹. По литовско-рязанским же договорам 1427 г., рязанские князья становились «слугами» литовского господаря²⁰ — отсюда формулировки 1449 г.

Итак, при составлении договора 1449 г. московская и литовская стороны путем переговоров и компромиссов добивались выгодных для себя условий. Однако их соглашение о третьих сторонах не было произвольным. Во избежание недоразумений в будущем, они должны были предъявить друг другу договоры (или иные акты) о своих отношениях с третьими сторонами и составить формулировки нового договора в соответствии с уже имевшимися документами. В таком случае они строго придерживались установившихся ранее межгосударственных отношений и фиксировали их в своем «вечном» докончании²¹.

Таким образом, в основе текста договора 1449 г. лежали не только результаты переговоров двух сторон, но и документы московского и литовского великокняжеских архивов. Причем это были не только предыдущие московско-литовские договоры, но и договоры великих московских и великих литовских князей с иными князьями.

Из документов какого же рода был заимствован термин «верховский князи»? Несмотря на то что статья о них замыкает соглашение о третьих сторонах, следует полагать, что этот термин содержался вовсе не в договорах московских и литовских государей с иными князьями. Так, этого определения нет при упоминании новосильских князей в московско-рязанских договорах 1402, 1434 и 1447 г.²² В литовско-новосильских договорах XV в. новосильские князья «верховскими» тоже не назывались²³. Чтобы контрагенты договора 1449 г. и их потомки одинаково и однозначно понимали термин «верховский князи», его содержание должно было бы раскрываться в предыдущих московско-литовских договорах. Иначе в будущем могли бы возникнуть проблемы с его трактовкой, ведь он мог появляться ситуативно на совершенно разных бассейнах рек, в зависимости от географической точки отсчета. Иными словами, нам следовало бы выявить московско-литовский договор, в котором упоминался бы ряд князей Верхнего Поочья и было бы указано, что это и есть «верховский князи». Однажды зафиксированный в нем термин в дальнейшем мог быть унаследован последующими докончаниями, в частности договором 1449 г.

Искомый нами договор действительно мог существовать. Кроме новосильских князей в нем могли фигурировать и другие князья Верхнего Поочья. Так, летом 1493 г. московская сторона заявляла литовским послам: «мезоцкие князи изъ старины наши слуги, одны съ торусскими князми, и въ старыхъ докончаньехъ предковъ нашихъ писаны»²⁴. Разумеется, на московской

¹⁸ ДДГ. № 59. С. 188, 190. О датировке см.: [Зимин, 1958, с. 314].

¹⁹ ДДГ. № 19. С. 52; № 33. С. 84; № 47. С. 142.

²⁰ ДДГ. № 25, 26. С. 67–68. О датировке см.: [Зимин, 1958, с. 294–295].

²¹ В. Н. Темушев также полагал, что договор 1449 г. лишь оформил раздел сфер влияния между Москвой и Литвой, зафиксировал существовавшую границу, определил ее [Темушев, 2005].

²² ДДГ. № 19. С. 53–54; № 33. С. 85; № 47. С. 144.

²³ ЛМ. Кн. 5. № 130. Р. 247–248; № 137. Р. 254–255; ДДГ. № 39. С. 117–118; № 60. С. 192–193; [Казакоў, с. 298–300]; Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1846. Т. I. № 80. С. 100–101.

²⁴ СИРИО. Т. 35. С. 106.

службе те князья еще не были мезецкими, поэтому и оговаривалось, что они родственники тарусских. Также литовским послам сообщалось: «изъ старины князи вяземские и мосальские служили предкомъ нашимъ великимъ княземъ (московским. — Р. Б.) и съ своими вотчинами, а и въ старыхъ докончаньехъ то писано»²⁵. Под «старыми докончаниями» имелись в виду договоры предшественников Ивана III и Александра Казимировича между собой. Они были заключены до 1424 г., то есть до того времени, когда мезецкие и мосальские князья уже явно находились на литовской службе²⁶. С учетом географического фактора следует полагать, что в XIII в. князья этих родов еще не были «верховскими» по отношению к Москве. Московские князья могли наделять их таким эпитетом только с тех пор, когда в XIV в. московские земли расширились до Оки. Более того, поскольку в договоре 1449 г. собственно тарусские и оболенские князья не входили в перечень «верховских», то их не было и в аналогичном перечне в правовом источнике договора 1449 г. Должно быть, искомым источником был составлен после того, как в 1392 г. Василий I приобрел в Орде ярлык на Тарусу [см.: Горский, с. 117–123]. С тех пор тарусские и оболенские князья определенно ничего не давали Литве, а их землевладения были оставлены за рамками условного «верховского» региона. Следовательно, время появления термина «верховский князи» в московско-литовской дипломатии находится в диапазоне 1392–1424 г., а географическая точка отсчета интересующих нас «верховских» лежала выше Тарусы по течению Оки.

Однако какова же актуальность такого термина для литовской стороны? В договоре с Москвой можно было бы ограничиться простым перечнем конкретных князей, тем более что из Верхнего Поочья ни одна из рек не текла в сторону Великого княжества Литовского. Другое дело, если бы на момент заключения договора великие князья московский и литовский вместе находились бы на реке Оке и, исходя из ситуации, одинаково понимали бы, кого они имеют в виду под «верховскими» князьями. Из истории известно о заключении двух московско-литовских договоров на Оке. Во-первых, это перемирие между Дмитрием Московским и Ольгердом, составленная под Любутском в 1372 г. Ее текст дошел до наших дней, однако в нем нет упоминания о «верховских» князьях [Кучкин, с. 119–168, 338–339]. К тому же данная грамота написана до 1392 г. Во-вторых, это договор, заключенный между Василием I и Витовтом в 1408 г. на реке Угре, видимо, в ее устье при впадении в Оку²⁷. Согласно летописям, «миръ вечный» был заключен 14 сентября 1408 г.²⁸ Также, по словам Ягайла, в этот день Витовт и Василий I установили мир и покой, а на следующий день в субботу 15 сентября Василий I целовал крест²⁹. Текст этого договора до наших дней не дошел, однако известны некоторые детали его содержания. Через несколько лет Витовт заявлял новгородцам: «съ Угры и со всеми нашими граничники мирны есме»³⁰. Следовательно, московско-литовский договор 1408 г.

²⁵ Там же. С. 107.

²⁶ К осени 1424 г. князья тарусского дома Андрей и Дмитрий Всеволодичи и родственник мосальских князей Андрей Михайлович служили Витовту и в составе литовских войск участвовали в битве с ханом Куйдадатом [Беспалов, 2009, с. 206, 208–210].

²⁷ Исходим из предположения, что московские и литовские войска добирались до Угры по имевшейся сети дорог. Так, дорога по маршруту Таруса — Лисин — Калуга — Воротынский — Серенск — Брынь известна из источника начала XVI в. (Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымскою и Нагайскою Ордами и с Турцией. Т. I. (С 1474 по 1505 год, эпоха свержения монгольского ига в России) // СИРИО. СПб., 1884. Т. 41. С. 441–442). Между Калугой и Воротынском она пересекала реку Угру.

²⁸ ПСРЛ. Т. XV. Стб. 474, 482; Т. XXV. С. 237–238.

²⁹ В оригинале: «pacis et treugarum induciis» (Elementa ad fontium editiones. Romae, 1960. Т. 2. № 67. Р. 42–43). Из-за многословной формы речи сложно определить точно, о чем здесь говорится: о мире или о перемирии. С. В. Полехов полагает, что о перемирии, а мир был заключен несколько позже [Полехов, с. 105]. В русских летописях сообщается о заключении «вечного мира» или о «мире» «съ Угры» (ПСРЛ. Т. XV. Стб. 482; Т. III. С. 403). В продолжении так называемой прусской хроники Иоганна фон Посильге — также о «мире» (Frede) (Scriptores rerum Prussicarum. Die Geschichtsquellen Preussischen Vorzeit bis zum untergange der Ordensherrschaft. Leipzig, 1866. Bd. 3. S. 291). Дополнительную сложность составляет то, что все перечисленные источники являются нарративными.

³⁰ ПСРЛ. Т. III. С. 403.

включал в себя и соглашения о третьих сторонах, в том числе о тех князьях черниговского дома, владения которых граничили с Великим княжеством Литовским, но еще не входили в его состав. Причем договор 1408 г., видимо, не устанавливал новых границ в Верхнем Поочье, поскольку был заключен «по давнему».

Текст договора Василия I с Витовтом был актуален вплоть до конца XV в. В начале 1494 г. литовские послы предлагали Ивану III заключить новый договор, во-первых, «по отца своего великого князя Васильеву докончанью», а во-вторых, «по деда своего докончанью», как было «за великого князя Витовта» и «за великого князя Василья Дмитриевича»³¹. Имелись в виду договоры о «вечном мире» 1408 и 1449 г., тем самым подчеркивалась преемственность между ними.

Если наши рассуждения верны, то термин «верховский князи» впервые появился в договоре Василия I с Витовтом. Географической точкой отсчета для понимания этого термина было устье Угры на реке Оке. Хронологической точкой отсчета его появления в московско-литовской дипломатии была дата заключения договора 14 сентября 1408 г. Далее в течение XV в. с опорой на данный договор стороны могли одинаково и однозначно понимать термин «верховский князи», даже не раскрывая каждый раз его содержания в последующих московско-литовских договорах и посольских сношениях (аналогично краткой форме соглашения о Серенске в договоре 1449 г. и др.). При этом необходимо учитывать, что в 1408 г. политическое положение этих князей могло быть не таким, как в 1449 г. Как справедливо заметил М. К. Любавский, их статусы могли отличаться друг от друга и изменяться со временем [Протоколы заседаний...].

Из выдвинутой, таким образом, гипотезы вытекает и предполагаемый перечень «верховских» князей начала XV в. Это те князья, которые к 1408 г. владели землями, расположенными вверх по течению реки Оки и ее притоков относительно устья Угры. Таковыми были князья новосильского дома, часть князей из рода козельских и карачевских (в том числе мосальские, перемышльские, звенигородские, хотетовские, может быть, и кромские), а также огдыревские князья из рода тарусских. Некоторые из них политически находились на стороне Москвы, некоторые — на стороне Литвы, но не всегда на стороне Витовта. Некоторые оказались деятельными участниками конфликта 1408 г. и накануне наступления Витовта отъехали к Василию I вместе с князем Свидригайлом³². Встретившись на Угре, Витовт и Василий I в числе прочего должны были договориться об их дальнейшей судьбе, чтобы установить в верховьях Оки мир «по давнему». В число «верховских» не входили собственно князья тарусские и оболенские, владения которых находились по Оке и ее притокам ниже устья Угры, а также собственно карачевские и елецкие князья, поскольку Карачев и Елец располагались за пределами бассейна Оки.

Ситуативный термин «верховский князи», видимо, так и застыл в старых московско-литовских договорах. Когда речь заходила о тех или иных конкретных князьях, его использование было неудобно. Может быть, поэтому он не отразился в иных источниках. В. Н. Темушев справедливо заметил, что и в договоре 1494 г. Москва и Литва его уже не использовали, а перешли к большей конкретизации, назвав князей по титулам (некоторых даже по именам) и обозначив их положение на московской или на литовской службе. По мнению ученого, это было связано с опасениями литовской стороны, что в будущем Иван III мог изменить трактовку термина «верховский князи» и извлечь из этого политические и территориальные выгоды [Темушев, 2007а, с. 258–259]. Однако термин «верховский князи» не использовался уже и во время московско-литовских посольских сношений 1487–1493 г. Далее в части Верхнего Поочья Иван III действительно не спешил идти на некоторые уступки, предусмотренные договором 1494 г. Он искал отговорки и правовые лазейки, для чего, однако, ему не требовался термин «верховский князи». В этой связи можно предложить другое объяснение.

³¹ СИРИО. Т. 35. С. 113–115.

³² ПСРЛ. Т. XXV. С. 237.

Отказ от термина «верховский князь» мог быть связан с тем, что московская сторона не согласилась заключать новый договор по докончаниям 1408 и 1449 г.³³ В интересующей нас части преемственность договоров исчезла, соглашение о третьих сторонах коренным образом пересматривалось. Границы сдвигались: теперь отрезок Оки от устья Угры до Нугри и даже несколько южнее по обе стороны почти полностью принадлежал московским слугам. Как следствие, в отношениях Москвы и Литвы термин «верховский князь» образца 1408 г. потерял свою актуальность. Описывать же новый состав условных «верховских князей», относительно какой-то новой точки отсчета, было нецелесообразно.

Литература

- Базилевич К. В. Внешняя политика Русского централизованного государства (вторая половина XV века). М., 1952.
- Беспалов Р. А. Битва коалиции феодалов Верхнего Поочья с ханом Куйдадатом осенью 1424 года // Верхнее Подонье: Археология. История. Тула, 2009. Вып. 4. С. 205–210.
- Беспалов Р. А. К вопросу о терминах «верховские князья» и «Верховские княжества» // Проблемы славяноведения. Сб. научных статей и материалов. Брянск, 2010. Вып. 12. С. 15–61.
- Беспалов Р. А. «Новое потомство» князя Михаила Черниговского по источникам XVI–XVII веков (к постановке проблемы) // Проблемы славяноведения. Сб. научных статей и материалов. Брянск, 2011. Вып. 13. С. 63–97.
- Бірюк П. [М.] Проблема термінології та походження верховських князів на сучасному етапі розвитку історіографії // Науковий часопис Національного педагогічного університету імені М. П. Драгоманова. Вип. 12. Київ, 2014. С. 215–223.
- Бірюк П. М. Участь верховських князів у політичних конфліктах у Литві (30-ті рр. XV ст.) // Сіверянський літопис. 2016. №6. С. 38–43.
- Водарский Я. Е. Территория и население севского разряда во второй половине XVII — начале XVIII вв. // Вопросы истории хозяйства и населения России XVII в. Очерки по исторической географии XVII в. М., 1974. С. 215–242.
- Водарский Я. Е. Население России в конце XVII — начале XVIII века. (Численность, сословно-классовый состав, размещение). М., 1977.
- Горский А. А. От земель к великим княжениям: «Примыслы» русских князей второй половины XIII — XV в. М., 2010.
- Грушевський М. [С.] Історія України-Руси. Т. 4: XIV–XVI віки — відносини політичні. Видання друге, розширене. Київ — Львів, 1907.
- Довнар-Запольский М. В. Государственное хозяйство великого княжества Литовского при Ягеллонах. Киев, 1901. Т. 1.
- Зимин А. А. О хронологии духовных и договорных грамот великих и удельных князей XIV–XV вв. // Проблемы источниковедения. М., 1958. Вып. 6. С. 275–324.
- Зимин А. А. Россия на рубеже XV–XVI столетий. М., 1982.
- И[еромонах] Л[еоид]. Церковно-историческое исследование о древней области вятичей, входившей с начала XV и до конца XVIII столетия в состав Крутицкой и частью Суздальской епархии // ЧОИДР. М., 1862. Кн. 2. I. Исследования. С. 1–156.
- Казакоў А. У. Невядомае даканчанне караля польскага і вялікага князя літоўскага Казіміра і князя Навасільскага і Адоеўскага Міхаіла Іванавіча 1481 г. // Studia Historica Europae Orientalis = Исследования по истории Восточной Европы. Минск, 2010. Вып. 3. С. 291–300.
- Карамзин Н. М. История государства Российского. Репринт изд. 1842–1844 гг. в трех книгах с приложением. М., 1988. Кн. 2. Т. V.
- Каштанов С. М. Верховские княжества // Советская историческая энциклопедия. Т. 3: Вашингтон — Вячко. М., 1963. Стб. 389.
- Ковылов С. В. Новосильское княжество и новосильские князья в XIV–XV вв. Дисс. ... канд. истор. наук. Орел, 1997.
- Кром М. М. Меж Русью и Литвой. Западнорусские земли в системе русско-литовских отношений конца XV — первой половины XVI в. М., 1995.

³³ Свой отказ московская сторона мотивировала тем, что те прежние московско-литовские договоры были заключены в несчастные для Василия I и для Василия II годы (в негодю) (СИРИО. Т. 35. С. 115). То есть прежний мир в Москве считался несправедливым.

- Кузьмин А. В. Верховские княжества // Большая российская энциклопедия. Т. 5. М., 2006. С. 197–199.
- Кузьмин А. В. Территориальные изменения в левобережном Поочье в XIII – начале XV в. (на примере Козельска, Брыни, Серенска, Мосальска и Перемышля на Оке) // Восточная Европа в древности и средневековье. Государственная территория, как фактор политогенеза. XXVII чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В. Т. Пашуто. Москва, 15–17 апреля 2015 г. М., 2015. С. 162–168.
- Кунцевич Г. Э. Грамоты Казанского Зилантова монастыря // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Казань, 1901. Т. 17. Вып. 5–6. С. 268–344.
- Кучкин В. А. Договорные грамоты московских князей XIV века. Внешнеполитические договоры. М., 2003.
- Леонтович Ф. И. Очерки истории Литовско-Русского права (продолжение) // ЖМНП. Ч. 290. СПб., 1893, декабрь. С. 259–325.
- Любавский М. К. Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания первого литовского Статута. М., 1892.
- Любавский М. К. Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно. Изд. 2-е. М., 1915.
- Любавский М. К. Образование основной территории великорусской народности. Заселение и объединение центра. Л., 1929.
- Майоров А. А. Русь Верховская. Очерки славянской истории. Орёл, 2012.
- Описи царского архива XVI века и архива Посольского приказа 1614 года. М., 1960.
- Опись архива Посольского приказа 1626 года. М., 1977. Ч. 1–2.
- Петрунь Ф. [Є.] Ханські ярлики на українські землі // Східний світ. Харків, 1929. № 2. С. 170–185.
- Полехов С. В. Литовско-русские отношения в начале XV в. в свете малоизвестных документов // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2017. № 3 (69). С. 105–106.
- Пономарева И. Г. Кто управлял Московским великим княжеством в 1425–1432 гг.? // Средневековая Русь. М., 2011. Вып. 9. С. 167–196.
- Пресняков А. Е. Лекции по русской истории. М., 1939. Т. 2. Вып. 1
- Протоколы заседаний Императорского общества истории и древностей российских при Московском университете за 1894 год (№ 384–393). 384-е заседание 28 января // ЧОИДР. М., 1895. Кн. 2. V. Смесь. С. 3–6.
- Русина О. [В.] Сіверська земля у складі Великого князівства Литовського. Київ, 1998.
- Темушев В. Н. Литовско-московский договор 1449 года. Раздел сфер влияния в Восточной Европе // Весці Нацыянальнай Акадэміі Навук Беларусі. Сер. гуманітарных навук. 2005. № 5. Ч. 2. С. 77–80.
- Темушев В. Н. Представления о территории Верхнеокских княжеств в работах исследователей // Верхнее Подонье. Природа. Археология. История. Тула, 2007. Вып. 2. Т. 2. С. 257–277. [Темушев, 2007a]
- Темушев В. Н. Ржевский участок литовско-московской границы в конце XIV – начале XVI в. // Материалы по археологии Беларуси. № 14. Памятники эпохи железа и средневековья Беларуси. К 60-летию О. Н. Левко. Минск, 2007. С. 241–250. [Темушев, 2007б]
- Федоров-Давыдов Г. А. Клады джучидских монет // Нумизматика и эпиграфика. М., 1960. Т. I. С. 94–192.
- Флоря Б. Н. Борьба московских князей за Смоленские и Черниговские земли во второй половине XIV в. // Проблемы исторической географии России. М., 1982. Вып. 1. С. 58–78.
- Цемушаў В. М. Вяроўскія княствы // Вялікае княства Літоўскае: Энциклапедыя. У 2 т. Мн., 2005. Т. 1: Абаленскі – Кадэнцыя. С. 476–478.
- Шабульдо Ф. М. «Семеновы люди»: их территория и роль в политических отношениях между Крымом и Литвой на исходе XV века // RUTHENICA. Київ, 2010. Т. 9. С. 57–73.
- Шеков А. В. Верховские княжества. (Краткий очерк политической истории. XIII – середина XVI вв.) Тула, 1993. (Труды Тульской археологической экспедиции. Вып. 1.)
- Шеков А. В. Верховские княжества. Середина XIII – середина XVI вв. М., 2012.
- Baumgarten N. [A.] Généalogies et mariages occidentaux des Rurikides russes du X-e au XIII-e siècle // Orientalia Christiana. Vol. IX – 1. Roma. Maio, 1927. № 35.
- Kuczyński S. M. Ziemia Czernihowsko-Siewerskie pod rządami Litwy. Warszawa, 1936.
- Natanson-Leski J. Dzieje granicy wschodniej Rzeczypospolitej. Lwów; Warszawa, 1922. Cz. I. Granica moskiewska w epoce jagiellońskiej.